

МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ПРОВЕДЕНИЮ МУНИЦИПАЛЬНОГО ЭТАПА ОЛИМПИАДЫ ПО ЛИТЕРАТУРЕ (2018-2019 учебный год)

Особенности муниципального этапа всероссийской олимпиады по литературе заключаются в том, что он объединяет более подготовленных, по сравнению со школьным, участников. На муниципальном уровне олимпиады участвуют только победители и призёры школьного этапа от разных параллелей (7-11 кл.). Конкурс проводится отдельно 7-8 и 9-11 классов, поскольку ученики 7-8 классов на муниципальном этапе завершают своё участие в олимпиаде (на региональный и заключительный этап они не выходят).

Муниципальный этап олимпиады проводится в соответствии со сроками, установленными в «Порядке проведения всероссийской олимпиады школьников» от 18 ноября 2013 года (№1252).

Муниципальный этап всероссийской олимпиады школьников по литературе проходят в один (по возможности неучебный) день. Момент вскрытия пакетов с заданиями должен быть зафиксирован протоколом в присутствии представителей оргкомитета школьного и муниципального этапов олимпиады по литературе и членов жюри.

При проведении школьного и муниципального этапов олимпиады выделяется несколько аудиторий для каждой параллели. Участники олимпиады размещаются по одному человеку за партой. Необходимо обеспечить школьников комплектом заданий, писчебумажными принадлежностями (тетрадами, ручками), ознакомить учащихся с правилами выполнения заданий.

Наличие в аудитории дополнительного материала (текстов художественной литературы, словарей разных видов, учебно-методической литературы, средств мобильной связи, компьютера и т.д.) не допускается. В случае нарушения этих условий учащийся исключается из состава участников олимпиады.

Ученики 7-8 классов на муниципальном этапе завершают участие в олимпиаде. Задания для них строятся с учётом школьного этапа и базируются на тех же принципах посильности, занимательности и ориентированности на подготовку к настоящим олимпиадным испытаниям в дальнейшем. С учётом этого ученикам 7-8 классов предлагаются два письменных задания творческого характера. Выполняя каждое задание, ученики создают текст ответа, опираясь на предложенные вопросы. Время выполнения – не более **трёх** часов.

Муниципальный этап олимпиады для учеников 9-11 классов состоит из одного аналитического задания (с опорой на предложенные направления для анализа; время выполнения 3,5 астрономических часа, максимальный балл – 70) и одного творческого задания (время выполнения – 1,5 астрономических часа, максимальный балл – 30). Внутри общего времени (5 астрономических часов) ученик распределяет количество времени для работы над аналитическим и творческим заданием сам. Максимальный общий балл за работу – **100 баллов** (аналитическое задание – 70 баллов, творческое задание – 30 баллов).

Для осуществления контроля за выполнением заданий во время олимпиады рекомендуется организовать дежурство учителей (кроме учителей русского языка и литературы). По истечении времени выполнения заданий работы школьников, также черновики сдаются представителю конкретного организатора олимпиады.

Проверка работ должна производиться в спокойной обстановке, исключающей спешку. Работа должна быть проверена и подписана не менее чем двумя экспертами (членами жюри). В случае существенного расхождения баллов председатель жюри назначает третьего проверяющего или проверяет работу сам.

ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ ПО ЛИТЕРАТУРЕ
МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП
2019-2020 учебный год
7 класс

Время выполнения работы – не более 3 часов (180 минут).
Работа включает в себя два задания.
Максимальное количество баллов за два задания – 50.

Задание 1

ОБРАЗ В ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕЧИ (20 баллов)

Прочитайте стихотворные тексты, принадлежащие разным авторам. Определите, какую роль играет в них **образ берёзы**. Напишите об этом, опираясь на представленные произведения. Рекомендуемый объём – 100–150 слов.

О, сколько о берёзе русской спето!
Но приглядишься поближе к ней, родной,
И ты поймёшь: по-прежнему поэты
Ещё в долгу перед её красой.

Кудрявую, плакучую воспели
Берёзу среднерусской полосы,
Но у семидесятой параллели
Берёзки маленькой не разглядели,
Её неброской, но родной красы.

Привыкли, что стройна, зеленокоса,
Гибка и белолица, и стройна...
А есть еще железная берёза!
И каменная есть ещё она!

Она не плачет, и в венки вьется.
Тверда и в сердцевине тяжела,
Она и топору не поддается,
Ломает зубы об неё пила.

И всё – берёза, русская, родная,
Её всех видов сразу и не счесть.
Берёза даже желтая бывает,
И даже чёрная берёза есть!

Есть ещё одна ... живет с осколком,
Навек застрявшим под корой,
Как та сестра, в бою у Волги
Меня прикрывшая собой...

О, сколько о берёзе русской спето!
Но приглядишься поближе к ней, родной,
И ты поймёшь: по-прежнему поэты
Ещё в долгу перед её красой.
(Неизвестный автор)

Опять о них,
Кудрявых и белёсых...
А что тут делать,
Если на Руси
У всех дорог встречаются берёзы,
Хоть день,
Хоть год,
Хоть вечность колеси.
Случалось всяко: и свои пилили,
И чужеземцы брали в топоры.
Лились в воронки соковые ливни,
И груды изувеченной коры...

Они стоят, дороги отороча,
И ткут, и ткут зеленый свой навес...
И Русь моя – берёзовая роща,
Которую не вырубить вовек!
(В. Васильев)

Без березы не мыслю России, –
Так светла по-славянски она,
Что, быть может, в столетья иные
От березы вся Русь рождена.
Под березами пели, женили,
Выбирали коней на торгах;
Дорогих матерей хоронили,
Так, чтоб были березы в ногах.
Потому, знать, березы весною
Человеческой жизнью живут:
То смеются зеленой листвою,
То сережками слезы прольют.
(Олег Шестинский)

Задание 2

СОЗДАТЕЛЬ КВЕСТА (30 баллов)

Выступите в роли создателя квеста. Ваша творческая задача — придумать событие или ряд событий, в которых, на удивление всем, участвуют известные литературные герои. Продумайте само событие (оно должно быть характерно для выбранного вами персонажа), обстановку, в которой оно может совершиться (время, место, обстоятельства); определите формат игры: эскейп-комната или ролевая игра в городских масштабах.

Используйте это событие как «новостной повод» для тележурналистики или «онлайн-газеты»: напишите о нём заметку или создайте текст репортажа. Соблюдайте характерные для таких текстов жанровые и стилистические особенности.

Репортаж — информационный жанр журналистики. Он оперативно, с необходимыми подробностями, в яркой форме сообщает о каком-либо событии. Его очевидцем или участником является сам автор. Критерий качества репортажа — ощущение личного присутствия на описанном событии у читателя.

Структура репортажа.

1. Заголовок.
2. Введение (можно начать с интересной цитаты).
3. Основное ядро (детали, диалоги, действия, герои и повествование).
4. Анализ или вывод .
5. Подпись автора (если не желаете оставаться анонимным).

Признаки репортажа.

1. Повествование от лица очевидца.
2. Время течет от начала к концу события.
3. Действие.
4. Яркие детали.

Заметка — информационный жанр журналистики, подразумевающий краткое сообщение, в котором излагается факт или ставится конкретный вопрос. Заметка должна отвечать на несколько основных вопросов читателей: Что произошло? Где? Когда? Как? Каковы результаты и первоисточники?

Структура заметки.

1. Яркий заголовок.
2. Подзаголовок (не всегда может встречаться).
3. Введение — первый абзац с кратким содержанием текста.
4. Основной текст. Подробности и детали события, раскрывающие яркий заголовок.
5. Подпись автора (если не желаете оставаться анонимным).

Признаки заметки.

1. Небольшой объем.
2. Материал подается в виде ответов на три основных вопроса: что, где и когда произошло (нет вопросов, почему это произошло или какие будут последствия).
3. Рассказывается только о событии, можно сделать акцент на его положительных либо отрицательных сторонах. Авторская оценка завуалирована, поскольку в заметке нельзя в открытой форме соотносить факт с его оценкой, факт с рассуждениями о нем и т. д.

ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ ПО ЛИТЕРАТУРЕ
МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП
2019-2020 учебный год
8 класс

Время выполнения работы – не более 3 часов (180 минут).

Работа включает в себя два задания.

Максимальное количество баллов за два задания – 50.

Задание 1

ОБРАЗ В ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕЧИ (20 баллов)

Прочитайте стихотворные тексты, принадлежащие разным авторам. Определите, какую роль играет в них **образ берёзы**. Напишите об этом, опираясь на представленные произведения. Рекомендуемый объём – 100–150 слов.

Родина

Касаясь трёх великих океанов,
Она лежит, раскинув города,
Покрыта сеткою меридианов,
Непобедима, широка, горда.
Но в час, когда последняя граната,
Уже занесена в твоей руке
И в краткий миг припомнить разом надо
Всё, что у нас осталось вдалеке,
Ты вспоминаешь не страну большую,
Какую ты изъездил и узнал,
Ты вспоминаешь родину – такую,
Какой её ты в детстве увидал.
Клочок земли, припавший к трем берёзам,
Далёкую дорогу за леском,
Речонку со скрипучим перевозом,
Песчаный берег с низким ивняком.
Вот где нам посчастливилось родиться,
Где на всю жизнь, до смерти, мы нашли,
Ту горсть земли, которая годится,
Чтоб видеть в ней приметы всей земли.
Да, можно выжить в зной, в грозу, в морозы,
Да, можно голодать и холодать,
Идти на смерть... Но эти три берёзы
При жизни никому нельзя отдать.
(Константин Симонов. 1941)

В Трептов-парке белые берёзы...

В Трептов-парке белые берёзы,
Словно вдовы русские, стоят
И роняют слёзы,
А не росы
На могилы братские солдат.
О берёзы!
Вас печаль России,
Вдовья неизбывная тоска
Сквозь ненастья, горем залитые,
Привела сюда издалека.
Привела,
Поставила навеки
У ступеней скорбной тишины.
С той поры вы, не смежая веки,
Навеваете солдатам сны.
Снятся им рязанские раздолья,
Астраханских плавней камыши
И бодрящий сердце нам до боли
Бой курантов в утренней тиши.
О берёзы,
Белые берёзы!
Часть России,
Часть моей души!
Солнце не потушит ваши слёзы,
Ветерок в листве не прошуршит...
Тяжелы шлифованные плиты
И суровы, как возмездья сталь.
Сын России с красного гранита
Через вас глядит в родную даль.
Видит он Россию до Виллойска,
Слышит он свою родную речь...

Тишина.
И слышно,
Как до хруста
Он сжимает обнаженный меч!
(Н. Агеев)

Задание 2

СОЗДАТЕЛЬ КВЕСТА (30 баллов)

Выступите в роли создателя квеста. Ваша творческая задача — придумать событие или ряд событий, в которых, на удивление всем, участвуют известные литературные герои. Продумайте само событие (оно должно быть характерно для выбранного вами персонажа), обстановку, в которой оно может совершиться (время, место, обстоятельства); определите формат игры: эскейп-комната или ролевая игра в городских масштабах. Используйте это событие как «новостной повод» для тележурналистики или «онлайн-газеты»: напишите о нём заметку или создайте текст репортажа. Соблюдайте характерные для таких текстов жанровые и стилистические особенности.

Репортаж — информационный жанр журналистики. Он оперативно, с необходимыми подробностями, в яркой форме сообщает о каком-либо событии. Его очевидцем или участником является сам автор. Критерий качества репортажа — ощущение личного присутствия на описанном событии у читателя.

Структура репортажа.

1. Заголовок.
2. Введение (можно начать с интересной цитаты).
3. Основное ядро (детали, диалоги, действия, герои и повествование).
4. Анализ или вывод.
5. Подпись автора (если не желаете оставаться анонимным).

Признаки репортажа.

1. Повествование от лица очевидца.
2. Время течет от начала к концу события.
3. Действие.
4. Яркие детали.

Заметка — информационный жанр журналистики, подразумевающий краткое сообщение, в котором излагается факт или ставится конкретный вопрос. Заметка должна отвечать на несколько основных вопросов читателей: Что произошло? Где? Когда? Как? Каковы результаты и первоисточники?

Структура заметки.

1. Яркий заголовок.
2. Подзаголовок (не всегда может встречаться).
3. Введение — первый абзац с кратким содержанием текста.
4. Основной текст. Подробности и детали события, раскрывающие яркий заголовок.
5. Подпись автора (если не желаете оставаться анонимным).

Признаки заметки.

1. Небольшой объем.
2. Материал подается в виде ответов на три основных вопроса: что, где и когда произошло (нет вопросов, почему это произошло или какие будут последствия).
3. Рассказывается только о событии, можно сделать акцент на его положительных либо отрицательных сторонах. Авторская оценка завуалирована, поскольку в заметке нельзя в открытой форме соотносить факт с его оценкой, факт с рассуждениями о нем и т. д.

ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ ПО ЛИТЕРАТУРЕ
МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП
2018-2019 учебный год
9 класс
Для участника олимпиады

Время выполнения работы — 5 часов (300 минут) Работа включает в себя два задания: аналитическое и творческое Максимальное количество баллов -100

АНАЛИТИЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ

Выполните целостный анализ ОДНОГО из предложенных произведений (прозаического или стихотворного – на Ваш выбор).

Текст 1.

Выполните целостный анализ рассказа А.И. Куприна «Бедный принц». Обратите внимание на следующие особенности его содержания и формы (поэтики): жанровые особенности сюжета (как формируется его событийный ряд? насколько важны в нем действия героев?), средства художественной выразительности и символы, используемые в тексте; раскройте значимые смысловые оттенки заглавия, значение отрезка времени, когда происходят события рассказа. Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Александр Куприн
БЕДНЫЙ ПРИНЦ

"Замечательно умно! – думает сердито девятилетний Даня Иевлев, лежа животом на шкуре белого медведя и постукивая каблуком о каблук поднятых кверху ног. – Замечательно! Только большие и могут быть такими притворщиками. Сами заперли меня в темную гостиную, а сами развлекаются тем, что увешивают елку. А от меня требуют, чтобы я делал вид, будто ни о чем не догадываюсь. Вот они какие – взрослые!"

На улице горит газовый фонарь и золотит морозные разводы на стеклах, и, скользя сквозь листья латаний и фикусов, стелет легкий золотистый узор на полу. Слабо блестит в полутьме изогнутый бок рояля.

"Да и что весёлого, по правде сказать, в этой ёлке? – продолжает размышлять Даня. – Ну, придут знакомые мальчики и девочки и будут притворяться, в угоду большим, умными и воспитанными детьми... За каждым гувернантка или какая-нибудь старенькая тетя... Заставят говорить все время по-английски... Затеют какую-нибудь прескучную игру, в которой непременно нужно называть имена зверей, растений или городов, а взрослые будут вмешиваться и поправлять маленьких. Велят ходить цепью вокруг елки и что-нибудь петь и для чего-то хлопать в ладоши; потом все усядутся под елкой, и дядя Ника прочитает вслух ненатуральным, актерским, "давлочим", как говорит Сониная няня, голосом рассказ о бедном мальчике, который замерзает на улице, глядя на роскошную елку богача. А потом

подарят готовальню, глобус и детскую книжку с картинками... А коньков или лыж уж наверно не подарят... И пошлют спать.

Нет, ничего не понимают эти взрослые... Вот и папа... он самый главный человек в городе и, конечно, самый ученый... недаром его называют городской головой... Но и он мало чего понимает. Он до сих пор думает, что Даня маленький ребенок, а как бы он удивился, узнав, что Даня давным-давно уже решился стать знаменитым авиатором и открыть оба полюса. У него уже и план летающего корабля готов, нужно только достать где-нибудь гибкую стальную полосу, резиновый шнур и большой, больше дома, шелковый зонтик. Именно на таком аэроплане Даня чудесно летает по ночам во сне".

Мальчик лениво встал с медведя, подошел, волоча ноги, к окну, подышал на фантастические морозные леса из пальм, потер рукавом стекло. Он худощавый, но стройный и крепкий ребёнок. На нем коричневая из рубчатого бархата курточка, такие же штанишки по колено, чёрные гетры и толстые штиблеты на шнурках, отложной крахмальный воротник и белый галстук. Светлые, короткие и мягкие волосы расчёсаны, как у взрослого, английским прямым пробором. Но его милое лицо мучительно-бледно, и это происходит от недостатка воздуха: чуть ветер немного посильнее или мороз больше шести градусов, Даню не выпускают гулять. А если и поведут на улицу, то полчаса перед этим укутывают: гамаши, меховые ботики, теплый оренбургский платок на грудь, шапка с наушниками, башлычок, пальто на гагачьем пуху, беличьи перчатки, муфта... опротивеет и гулянье! И непременно ведёт его за руку, точно маленького, длинная мисс Дженерс со своим красным висячим носом, поджатым прыщавым ртом и рыбьими глазами. А в это время летят вдоль тротуара на одном деревянном коньке весёлые, краснощёкие, с потными счастливыми лицами, уличные мальчишки, или катают друг друга на салазках, или, отломив от водосточной трубы сосульку, сочно, с хрустением жуют ее. Боже мой! Хотя бы раз в жизни попробовать сосульку. Должно быть, изумительный вкус. Но разве это возможно! "Ах, простуда! Ах, дифтерит! Ах, микроб! Ах, гадость!"

"Ох, уж эти мне женщины! - вздыхает Даня, серьёзно повторяя любимое отцовское восклицание. – Весь дом полон женщинами – тетя Катя, тетя Лиза, тетя Нина, мама, англичанка... женщины, ведь это те же девчонки, только старые... Ахают, суетятся, любят целоваться, всего пугаются – мышей, простуды, собак, микробов... И Даню тоже считают точно за девочку... Это его-то! Предводителя команчей, капитана пиратского судна, а теперь знаменитого авиатора и великого путешественника! Нет! Вот назло возьму, засушу сухарей, отолю в пузырек папиного вина, скоплю три рубля и убегу тайком юнгой на парусное судно. Денег легко собрать. У Дани всегда есть карманные деньги, предназначенные на дела уличной благотворительности".

Нет, нет, все это мечты, одни мечты... С большими ничего не поделаешь, а с женщинами тем более. Сейчас же схватятся и отнимут. Вот нянька говорит часто: "Ты наш принц". И правда, Даня, когда был маленьким, думал, что он – волшебный принц, а теперь вырос и знает, что он бедный, несчастный принц, заколдованный жить в скучном и богатом царстве.

II

Окно выходит в соседний двор. Станный, необычный огонь, который колеблется в воздухе из стороны в сторону, поднимается и опускается, исчезает на секунду и опять показывается, вдруг остро привлекает внимание Дани. Продышав ртом на стекле дыру побольше, он прикидывается к ней глазами, закрывшись ладонью, как щитом, от света фонаря. Теперь на белом фоне свежего только что выпавшего снега он ясно различает небольшую, тесно сгрудившуюся кучку ребятишек. Над ними на высокой палке, которой не видно в темноте, раскачивается, точно плавает в воздухе, огромная разноцветная бумажная звезда, освещенная изнутри каким-то скрытым огнем.

Даня хорошо знает, что все это – детвора из соседнего бедного и старого дома, "уличные мальчишки" и "дурные дети", как их называют взрослые: сыновья сапожников, дворников и прачек. Но Данино сердце холодеет от зависти, восторга и любопытства. От няньки он слышал о местном древнем южном обычае: под рождество дети в складчину устраивают звезду и вертеп, ходят с ними по домам – знакомым и незнакомым, – поют колядки и рождественские кантики* и получают за это в виде вознаграждения ветчину, колбасу, пироги и всякую медную монету.

Безумно-смелая мысль мелькает в голове Дани, – настолько смелая, что он на минуту даже прикусывает нижнюю губу, делает большие, испуганные глаза и съеживается. Но разве в самом деле он не авиатор и не полярный путешественник? Ведь рано или поздно придется же откровенно сказать отцу: "Ты, папа, не волнуйся, пожалуйста, а я сегодня отправляюсь на своем аэроплане через океан". Сравнительно с такими страшными словами, одеться потихоньку и выбежать на улицу – сущие пустяки.

Лишь бы только на его счастье старый толстый швейцар не торчал в передней, а сидел бы у себя в каморке под лестницей.

Пальто и шапку он находит в передней ощупью, возясь бесшумно в темноте. Нет ни гамаш, ни перчаток, но ведь он только на одну минутку! Довольно трудно справиться с американским механизмом замка. Нога стукнулась о дверь, гул пошел по всей лестнице. Слава Богу, ярко освещенная передняя пуста. Задержав дыхание, с бьющимся сердцем, Даня, как мышь, проскальзывает в тяжелые двери, едва приотворив их, и вот он на улице! Черное небо, белый, скользкий, нежный, скрипящий под ногами снег, беготня света и теней под фонарем на тротуаре, вкусный запах зимнего воздуха, чувство свободы, одиночества и дикой смелости – всё как сон!..

III

"Дурные дети" как раз выходили из калитки соседнего дома, когда Даня выскочил на улицу. Над мальчиками плыла звезда, вся светившаяся красными, розовыми и желтыми лучами, а самый маленький из колядников нес на руках освещенный изнутри, сделанный из картона и разноцветной папиросной бумаги домик – "вертеп Господень".

Этот малыш был не кто иной, как сын иевлевского кучера. Даня не знал его имени, но помнил, что этот мальчуган нередко вслед за отцом с большой серьезностью снимал шапку, когда Дане случалось проходить мимо каретного сарая или конюшни.

Звезда поравнялась с Даней. Он нерешительно посопел и сказал баском:

– Господа, примите и меня-а-а... Дети остановились. Помолчали немного. Кто-то сказал сиплым голосом:

– А на кой ты нам ляд?!.

И тогда все заговорили разом:

– Иди, иди... Нам с тобой не ведено водиться...

– И не треба...

– Тоже ловкий... мы по восьми копеек сложились...

– Хлопцы, да это же иевлевский паныч. Гаранька, это – ваш?..

– Наш!.. – с суровой стыдливостью подтвердил мальчишка кучера.

– Проваливай! – решительно сказал первый, осипший мальчик. – Нема тут тебе компании...

– Сам проваливай, – рассердился Даня, – здесь улица моя, а не ваша!

– И не твоя вовсе, а казенная.

– Нет, моя. Моя и папина.

– А вот я тебе дам по шее, – тогда узнаешь, чья улица...

– А не смеешь!.. Я папе пожалуюсь... А он тебя высекет...

– А я твоего папу ни на столечко вот не боюсь... Иди, иди, откудава пришел. У нас дело товарисское. Ты небось денег на звезду не давал, а лезешь...

– Я и хотел вам денег дать... целых пятьдесят копеек, чтобы вы меня приняли... А теперь вот не дам!..

– И все ты врешь!.. Нет у тебя никаких пятьдесят копеек.

– А вот нет – есть!..

– Покажи!.. Все ты врешь...

Даня побренчал деньгами в кармане.

– Слышишь?..

Мальчишки замолчали в раздумье. Наконец сиплый высморкался двумя пальцами и сказал:

– Ну-к что ж... Давай деньги – иди в компанию. Мы думали, что ты так, на шермак** хочешь!.. Петь можешь?..

– Чего?..

– А вот "Рождество твое, Христе Боже наш"... колядки еще тоже...

– Могу, – сказал решительно Даня.

IV

Чудесный был этот вечер. Звезда останавливалась перед освещенными окнами, заходила во все дворы, спускалась в подвалы, лазила на чердаки. Остановившись перед дверью, предводитель труппы – тот самый рослый мальчишка, который недавно побранился с Даней, – начинал сиплым и гнусавым голосом: «Рождество твое, Христе Боже наш...»

И остальные десять человек подхватывали вразброд, не в тон, но с большим

воодушевлением: «Воссия мирови свет разума...»

Иногда дверь отворялась, и их пускали в переднюю. Тогда они начинали длинную, почти бесконечную колядку о том, как шла царевна на крутую гору, как упала с неба звезда-красна, как Христос родился, а Ирод сомутился. Им выносили отрезанное щедрой рукой кольцо колбасы, яиц, хлеба, свиного студня, кусок телятины. В другие дома их не пускали, но высылали несколько медных монет. Деньги прятались предводителем в карман, а съестные припасы складывались в один общий мешок. В иных же домах на звуки пения быстро распахивались двери, выскакивала какая-нибудь рыхлая, толстая баба с веником и кричала грозно:

– Вот я вас, лайдаки***, голодранцы паршивые... Гэть!.. Кышь до дому!

Один раз на них накинута огромный городской, закутанный в остроконечный башлык, из отверстия которого торчали белые, ледяные усы.

– Що вы тут, стрекулисты****, шляетесь?.. Вот я вас в участок!.. По какому такому праву?.. А?..

И он затопал на них ногами и зарычал зверским голосом.

Как стая воробьев после выстрела, разлетелись по всей улице маленькие христославщики. Высоко прыгала в воздухе, чертя огненный след, красная звезда. Дане было жутко и весело скакать галопом от погони, слыша, как его штиблеты стучат, точно копыта дикого мустанга, по скользкому и неверному тротуару. Какой-то мальчишка, в шапке по самые уши, перегоняя, толкнул его неловко боком, и оба с разбега ухнули лицом в высокий сугроб. Снег сразу набился Дане в рот и в нос. Он был нежен и мягок, как холодный невесомый пух, и прикосновение его к пылавшим щекам было свежо, щекотно и сладостно.

Только на углу мальчишки остановились. Городовой и не думал за ними гнаться. Так они обошли весь квартал. Заходили к лавочникам, к подвальным жителям, в дворники. Благодаря тому, что выхоленное лицо и изящный костюм Дани обращали общее внимание, он старался держаться позади. Но пел он, кажется, усерднее всех, с разгоревшимися щеками и блестящими глазами, опьяненный воздухом, движением и необыкновенностью этого ночного бродяжничества. В эти блаженные, веселые, живые минуты он совершенно искренно забыл и о позднем времени, и о доме, и о мисс Дженерс, и обо всем на свете, кроме волшебной колядки и красной звезды. И с каким наслаждением ел он на ходу кусок толстой холодной малороссийской колбасы с чесноком, от которой мерзли зубы. Никогда в жизни не приходилось ему есть ничего более вкусного!

И потому при выходе из булочной, где звезду угостили теплыми витушками и сладкими крендельками, он только слабо и удивленно ахнул, увидя перед собою нос к носу тетю Нину и мисс Дженерс в сопровождении лакея, швейцара, няньки и горничной.

– Слава тебе, Господи, нашёлся наконец!.. Боже мой, в каком виде! Без калош и без башлыка! Весь дом с ног сбился из-за тебя, противный мальчишка!

Славильщиков давно уже не было вокруг. Как недавно от городского, так и теперь они прыснули в разные стороны, едва только почуяли опасность, и вдали слышался лишь

дробный звук их торопливых ног.

Тетя Нина – за одну руку, мисс Дженерс – за другую повели беглеца домой. Мама была в слезах – Бог знает, какие мысли приходили ей за эти два часа, когда все домашние потеряв головы бегали по всем закоулкам дома, по соседям и по ближним улицам. Отец напрасно притворялся разгневанным и суровым и совсем неудачно скрывал свою радость, увидев сына живым и невредимым. Он не меньше жены был взволнован исчезновением Дани и уже успел за это время поставить на ноги всю городскую полицию.

С обычной прямоотой Даня подробно рассказал свои приключения. Ему пригрозили назавтра тяжелым наказанием и послали переодеться.

Он вышел к своим маленьким гостям вымытый, свежий, в новом красивом костюме.

Щеки его горели от недавнего возбуждения, и глаза весело блестели после мороза.

Очень скучно было притворяться благовоспитанным мальчиком, с хорошими манерами и английским языком, но, добросовестно заглаживая свою недавнюю вину, он ловко шаркал ножкой, целовал ручку у пожилых дам и снисходительно развлекал самых маленьких малышей.

– А ведь Дане полезен воздух, – сказал отец, наблюдавший за ним издали, из кабинета. – Вы дома его слишком много держите взаперти. Посмотрите, мальчик пробежался, и какой у него здоровый вид! Нельзя держать мальчика все время в вате.

Но дамы так дружно накинулись на него и наговорили сразу такую кучу ужасов о микробах, дифтеритах, ангинах и о дурных манерах, что отец только замахал руками и воскликнул, весь сморщившись:

– Довольно, довольно! Будет... будет... Делайте, как хотите... Ох, уж эти мне женщины!...

* Кант (от лат. cantus пение, распев). Старинная многоголосная духовная и светская песня для вокального ансамбля или хора, как правило, без инструментального сопровождения.

**На шермака (жарг., разг.). Обманым путём, без затрат.

*** Лайдак (польск. laudak). Негодай, плут, гуляка.

**** Стрекулист (устар., прост.). Пронырливый человек, ловкач

Текст 2.

Прочитайте стихотворение В.С. Высоцкого «Баллада о борьбе». Обратите внимание на следующие особенности его содержания и формы (поэтики): авторское решение традиционной проблемы детства и его роли в духовно-нравственном становлении человека; художественные средства выразительности для создания центрального образа стихотворения (метафоры, эпитеты, звукопись, употребление разных глагольных форм и т.д.), особенности композиционного строения текста.

Владимир Высоцкий

БАЛЛАДА О БОРЬБЕ

Средь оплывших свечей и вечерних молитв,
Средь военных трофеев и мирных костров
Жили книжные дети, не знавшие битв,
Изнывая от мелких своих катастроф.

Детям вечно досаден
Их возраст и быт, –
И дрались мы до ссадин,
До смертных обид.
Но одежды латали
Нам матери в срок,
Мы же книги глотали,
Пьянея от строк.

Липли волосы нам на вспотевшие лбы,
И сосало под ложечкой сладко от фраз,
И кружил наши головы запах борьбы,
Со страниц пожелтевших слетая на нас.

И пытались постичь
Мы, не знавшие войн,
За воинственный клич
Принимавшие вой,
Тайну слова "приказ",
Назначение границ,
Смысл атаки и лязг
Боевых колесниц.

А в кипящих котлах прежних боен и смут
Столько пищи для маленьких наших мозгов!
Мы на роли предателей, трусов, иуд
В детских играх своих назначали врагов.

И злодея следам

Не давали остыть,
И прекраснейших дам
Обещали любить,
И, друзей успокоив
И близких любя,
Мы на роли героев
Вводили себя.

Только в грёзы нельзя насовсем убежать:
Краткий век у забав – столько боли вокруг!
Постарайся ладони у мёртвых разжать
И оружие принять из натруженных рук.

Испытай, завладев
Еще тёплым мечом
И доспехи надев,
Что почём, что почём!
Разберись, кто ты – трус
Иль избранник судьбы,
И попробуй на вкус
Настоящей борьбы.

И когда рядом рухнет израненный друг,
И над первой потерей ты взвоешь, скорбя,
И когда ты без кожи останешься вдруг
Оттого, что убили его – не тебя, –

Ты поймешь, что узнал,
Отличил, отыскал
По оскалу забрал:
Это – смерти оскал!
Ложь и зло – погляди,
Как их лица грубы!
И всегда позади –
Вороньё и гробы.

Если мяса с ножа
Ты не ел ни куска,
Если руки сложа
Наблюдал свысока,
И в борьбу не вступил
С подлецом, с палачом, –
Значит, в жизни ты был
Ни при чём, ни при чём!

Если, путь прорубая отцовским мечом,
Ты соленые слёзы на ус намотал,
Если в жарком бою испытал, что почём, –
Значит, нужные книги ты в детстве читал!
1977

Количество баллов – 70

ТВОРЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ

Представьте, что Вам предстоит стать автором-составителем печатной хрестоматии (или интернет-издания) для школьников на тему «Осень в творчестве русских авторов».

Какие тексты (отрывки из каких текстов) Вы бы в неё включили? Какие комментарии и почему Вы бы сделали к произведениям, вошедшим в Вашу хрестоматию (помните, что можно не только комментировать непонятные слова и выражения, но и отмечать переклички с другими памятными Вам текстами, сопоставление с которыми может помочь понять смысл произведения)?

Запишите авторов и названия произведений (всего **5-7** текстов). Выпишите и пронумеруйте слова, словосочетания, строки, которые будут прокомментированы.

Приведите примеры комментариев (не меньше **5**).

Напишите небольшую вступительную заметку «*От составителя*» к хрестоматии в целом, в которой объясните актуальность издания, обоснуйте выбор текстов и необходимость комментариев к ним.

Количество баллов – 30

ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ ПО ЛИТЕРАТУРЕ
МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП

2019-2020 учебный год

10 класс

Для участника олимпиады

Время выполнения работы — 5 часов (300 минут).

Работа включает в себя два задания: аналитическое и творческое.

Максимальное количество баллов – 100.

АНАЛИТИЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ

Выполните целостный анализ ОДНОГО из предложенных произведений (прозаического или стихотворного – на Ваш выбор).

Текст 1

Выполните целостный анализ рассказа Н.С. Лескова «Зверь». Обратите внимание на следующие особенности его содержания и формы (поэтики): жанровые особенности сюжета (как формируется его событийный ряд? насколько важны в нем действия героев?); средства художественной выразительности и символы, используемые в тексте; раскройте символическое значение отрезка времени, когда происходят события рассказа, значимые смысловые оттенки заглавия, символическое значение фамилии главного героя и отрезка времени, когда происходят события рассказа. Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Николай Лесков

ЗВЕРЬ

Глава первая

Отец мой был известный в свое время следователь. Ему поручали много важных дел, и потому он часто отлучался от семейства, а дома оставались мать, я и прислуга. Матушка моя тогда была ещё очень молода, а я – маленький мальчик. При том случае, о котором я теперь хочу рассказать, – мне было всего только пять лет.

Была зима, и очень жестокая. Стояли такие холода, что в хлевах замерзали ночами овцы, а воробьи и галки падали на мерзлую землю окоченелые.

Отец мой находился об эту пору по служебным обязанностям в Ельце и не обещал приехать домой даже к Рождеству Христову, а потому матушка собралась сама к нему съездить, чтобы не оставить его одиноким в этот прекрасный и радостный праздник. Меня, по случаю ужасных холодов, мать не взяла с собою в дальнюю дорогу, а оставила у своей сестры, а моей тетки, которая была замужем за одним орловским помещиком, про которого ходила невеселая слава. Он был очень богат, стар и жесток. В характере у него преобладали злобность и неумолимость, и он об этом нимало не сожалел, а, напротив, даже щеголял этими качествами, которые, по его мнению, служили будто бы выражением мужественной силы и непреклонной твёрдости духа. Такое же мужество и твёрдость он

стремился развить в своих детях, из которых один сын был мне ровесник.

Дядю боялись все, а я всех более, потому что он и во мне хотел "развить мужество", и один раз, когда мне было три года и случилась ужасная гроза, которой я боялся, он выставил меня одного на балкон и запер дверь, чтобы таким уроком отучить меня от страха во время грозы.

Понятно, что я в доме такого хозяина гостил неохотно и с немалым страхом, но мне, повторяю, тогда было пять лет, и мои желания не принимались в расчёт при соображении обстоятельств, которым приходилось подчиняться.

Глава вторая

В имении дяди был огромный каменный дом, похожий на замок. Это было претенциозное, но некрасивое и даже уродливое двухэтажное здание с круглым куполом и с башнею, о которой рассказывали страшные ужасы. Там когда-то жил сумасшедший отец нынешнего помещика, потом в его комнатах учредили аптеку. Это также почему-то считалось страшным; но всего ужаснее было то, что наверху этой башни, в пустом, изогнутом окне были натянуты струны, то есть была устроена так называемая "Эолова арфа". Когда ветер пробегал по струнам этого своеобразного инструмента, струны эти издавали сколько неожиданные, столько же часто странные звуки, переходившие от тихого густого рокота в беспокойные нестройные стоны и неистовый гул, как будто сквозь них пролетал целый сонм, поражённый страхом, гонимых духов. В доме все не любили эту арфу и думали, что она говорит что-то такое здешнему грозному господину и он не смеет ей возражать, но оттого становится еще немилосерднее и жесточе... Было несомненно примечено, что если ночью срывается буря и арфа на башне гудит так, что звуки долетают через пруды и парки в деревню, то барин в ту ночь не спит и наутро встает мрачный и суровый и отдает какое-нибудь жестокое приказание, приводившее в трепет сердца всех его многочисленных рабов.

В обычаях дома было, что там никогда и никому никакая вина не прощалась. Это было правило, которое никогда не изменялось, не только для человека, но даже и для зверя или какого-нибудь мелкого животного. Дядя не хотел знать милосердия и не любил его, ибо почитал его за слабость.

Неуклонная строгость казалась ему выше всякого снисхождения. Оттого в доме и во всех обширных деревнях, принадлежащих этому богатому помещику, всегда царила безотрадная унылость, которую с людьми разделяли и звери.

Глава третья

Покойный дядя был страстный любитель псовой охоты. Он ездил с борзыми и травил волков, зайцев и лисиц. Кроме того, в его охоте были особенные собаки, которые брали медведей. Этих собак называли "пьявками". Они впивались в зверя так, что их нельзя было от него оторвать. Случалось, что медведь, в которого впивалась зубами пьявка, убивал ее ударом своей ужасной лапы или разрывал ее пополам, но никогда не бывало, чтобы пьявка отпала от зверя живая.

Теперь, когда на медведей охотятся только облавами или с рогатиной, порода

собак-пьявок, кажется, совсем уже перевелась в России; но в то время, о котором я рассказываю, они были почти при всякой хорошо собранной, большой охоте. Медведей в нашей местности тогда тоже было очень много, и охота за ними составляла большое удовольствие.

Когда случалось овладевать целым медвежьим гнездом, то из берлоги брали и привозили маленьких медвежат. Их обыкновенно держали в большом каменном сарае с маленькими окнами, проделанными под самой крышей. Окна эти были без стекол, с одними толстыми, железными решетками. Медвежата, бывало, до них вскарабкивались друг по дружке и висели, держась за железо своими цепкими, когтистыми лапами. Только таким образом они и могли выглядывать из своего заключения на вольный свет Божий.

Когда нас выводили гулять перед обедом, мы больше всего любили ходить к этому сараю и смотреть на выставявшиеся из-за решеток смешные мордочки медвежат. Немецкий гувернер Кольберг умел подавать им на конце палки кусочки хлеба, которые мы припасали для этой цели за своим завтраком.

За медведями смотрел и кормил их молодой доезжачий, по имени Ферапонт; но, как это имя было трудно для простонародного выговора, то его произносили "Храпон", или еще чаще "Храпошка". Я его очень хорошо помню: Храпошка был среднего роста, очень ловкий, сильный и смелый парень лет двадцати пяти. Храпон считался красавцем – он был бел, румян, с черными кудрями и с черными же большими глазами навывкате. К тому же он был необычайно смел. У него была сестра Аннушка, которая состояла в поднянях, и она рассказывала нам презанимательные вещи про смелость своего удалого брата и про его необыкновенную дружбу с медведями, с которыми он зимою и летом спал вместе в их сарае, так что они окружали его со всех сторон и клали на него свои головы, как на подушку.

Перед домом дяди, за широким круглым цветником, окруженным расписною решеткою, были широкие ворота, а против ворот посреди куртины было вкопано высокое, прямое, гладко выглаженное дерево, которое называли "мачта". На вершине этой мачты был прилажен маленький помостик, или, как его называли, "беседочка".

Из числа пленных медвежат всегда отбирали одного "умного", который представлялся наиболее смыслёным и благонадёжным по характеру. Такого отделяли от прочих собратий, и он жил на воле, то есть ему дозволялось ходить по двору и по парку, но главным образом он должен был содержать караульный пост у столба перед воротами. Тут он и проводил большую часть своего времени, или лежа на соломе у самой мачты, или же взбирался по ней вверх до "беседки" и здесь сидел или тоже спал, чтобы к нему не приставали ни докучные люди, ни собаки. Жить такую привольною жизнью могли не все медведи, а только некоторые, особенно умные и кроткие, и то не во всю их жизнь, а пока они не начинали обнаруживать своих зверских, неудобных в общежитии наклонностей, то есть пока они вели себя смирно и не трогали ни кур, ни гусей, ни телят, ни человека.

Медведь, который нарушал спокойствие жителей, немедленно же был осуждаем на смерть, и от этого приговора его ничто не могло избавить.

Глава четвертая

Отбирать "смышлёного медведя" должен был Храпон. Так как он больше всех обращался с медвежатами и почитался большим знатоком их натуры, то понятно, что он один и мог это сделать. Храпон же и отвечал за то, если сделает неудачный выбор, -- но он с первого же раза выбрал для этой роли удивительно способного и умного медведя, которому было дано необыкновенное имя: медведей в России вообще зовут "мишками", а этот носил испанскую кличку "Сганарель"*. Он уже пять лет прожил на свободе и не сделал еще ни одной "шалости". Когда о медведе говорили, что "он шалит", это значило, что он уже обнаружил свою зверскую натуру каким-нибудь нападением-

Тогда "шалуна" сажали на некоторое время в "яму", которая была устроена на широкой поляне между гумном и лесом, а через некоторое время его выпускали (он сам вылезал по бревну) на поляну и тут его травили "молодыми пъявками" (то есть подростками щенками медвежьих собак). Если же щенки не умели его взять и была опасность, что зверь уйдёт в лес, то тогда стоявшие в запасном "секрете" два лучших охотника бросались на него с отборными опытными сворами, и тут делу настаивал конец.

Если же эти собаки были так неловки, что медведь мог прорваться "к острову" (то есть к лесу), который соединялся с обширным брянским полесьем, то выдвигался особый стрелок, с длинным и тяжелым кухенрейтеровским штуцером, и, прицелясь "с сошки", посылал медведю смертельную пулю. Чтобы медведь когда-либо ушёл от всех этих опасностей, такого случая ещё никогда не было, да страшно было и подумать, если бы это могло случиться: тогда всех в том виноватых ждали бы смертоносные наказания.

Глава пятая

Ум и солидность Сганареля сделали то, что описанной потехи, или медвежьей казни, не было уже целые пять лет. В это время Сганарель успел вырасти и сделался большим, матёрым медведем, необыкновенной силы, красоты и ловкости. Он отличался круглою, короткою мордою и довольно стройным сложением, благодаря которому напоминал более колоссального грифона или пуделя, чем медведя. Зад у него был суховат и покрыт невысокою лоснящеюся шерстью, но плечи и загорбок были сильно развиты и покрыты длинною и мохнатою растительностью. Умён Сганарель был тоже как пудель и знал некоторые замечательные для зверя его породы приёмы: он, например, отлично и легко ходил на двух задних лапах, подвигаясь вперед передом и задом, умел бить в барабан, маршировал с большою палкою, раскрашенною в виде ружья, а также охотно и даже с большим удовольствием таскал с мужиками самые тяжелые кули на мельницу и с своеобразным шиком пресмешно надевал себе на голову высокую мужичью островерхую шляпу с павлиным пером или с соломенным пучком вроде султана.

Но пришла роковая пора – звериная натура взяла своё и над Сганарелем. Незадолго перед моим прибытием в дом дяди тихий Сганарель вдруг провинился сразу несколькими винами, из которых притом одна была другой тяжче.

Программа преступных действий у Сганареля была та же самая, как и у всех прочих: для первоуценки он взял и оторвал крыло гусю; потом положил лапу на спину

бежавшему за маткою жеребенку и переломил ему спину; а наконец: ему не понравились слепой старик и его поводырь, и Сганарель принялся катать их по снегу, причем пооттоптал им руки и ноги. Слепца с его поводырем взяли в больницу, а Сганареля велели Храпону отвести и посадить в яму, откуда был только один выход – на казнь...

Анна, раздевая вечером меня и такого же маленького в то время моего двоюродного брата, рассказала нам, что при отводе Сганареля в яму, в которой он должен был ожидать смертной казни, произошли очень большие трогательности. Храпон не продергивал в губу Сганареля "больнички", или кольца, и не употреблял против него ни малейшего насилия, а только сказал:

– Пойдем, зверь, со мною.

Медведь встал и пошел, да ещё что было смешно – взял свою шляпу с соломенным султаном и всю дорогу до ямы шел с Храпоном обнявшись, точно два друга. Они таки и были друзьями.

Глава шестая

Храпону было очень жаль Сганареля, но он ему ничем пособить не мог.

Напоминаю, что там, где это происходило, никому никогда никакая провинность не прощалась, и скомпрометировавший себя Сганарель непременно должен был заплатить за свои увлечения лютой смертью.

Травля его назначалась как послеобеденное развлечение для гостей, которые обыкновенно съезжались к дяде на Рождество. Приказ об этом был уже отдан на охоте в то же самое время, когда Храпону было велено отвести виновного Сганареля и посадить его в яму.

Глава седьмая

В яму медведей сажали довольно просто. Люк, или творило ямы, обыкновенно закрывали легким хворостом, накиданным на хрупкие жерди, и посыпали эту покрывку снегом. Это было маскировано так, что медведь не мог заметить устроенной ему предательской ловушки. Покорного зверя подводили к этому месту и заставляли идти вперед. Он делал шаг или два и неожиданно проваливался в глубокую яму, из которой не было никакой возможности выйти.

Медведь сидел здесь до тех пор, пока наступало время его травить. Тогда в яму опускали в наклонном положении длинное, аршин семи, бревно, и медведь вылезал по этому бревну наружу. Затем начиналась травля. Если же случалось, что сметливый зверь, предчувствуя беду, не хотел выходить, то его понуждали выходить, беспокоя длинными шестами, на конце которых были острые железные наконечники, бросали зажжённую соломую или стреляли в него холостыми зарядами из ружей и пистолетов.

Храпон отвел Сганареля и заключил его под арест по этому же самому способу, но сам вернулся домой очень расстроенный и опечаленный. На свое несчастье, он рассказал своей сестре, как зверь шел с ним "ласково" и как он, провалившись сквозь хворост в яму, сел там на днище и, сложив передние лапы, как руки, застонал, точно заплакал.

Храпон открыл Анне, что он бежал от этой ямы бегом, чтобы не слышать

жалостных стонов Сганареля, потому что стоны эти были мучительны и невыносимы для его сердца.

– Слава Богу, – добавил он, – что не мне, а другим людям велено в него стрелять, если он уходить станет. А если бы мне то было приказано, то я лучше бы сам всякие муки принял, но в него ни за что бы не выстрелил.

Глава восьмая

Анна рассказала это нам, а мы рассказали гувернеру Кольбергу, а Кольберг, желая чем-нибудь позанять дядю, передал ему. Тот это выслушал и сказал: "Молодец Храпошка", а потом хлопнул три раза в ладоши.

Это значило, что дядя требует к себе своего камердинера Устина Петровича, старичка из пленных французов двенадцатого года.

Устин Петрович, иначе Жюстин, явился в своем чистеньком лиловом фракке с серебряными пуговицами, и дядя отдал ему приказание, чтобы к завтрашней "садке", или охоте на Сганареля, стрелками в секретах были посажены Флегонт – известнейший стрелок, который всегда бил без промаха, а другой Храпошка.

Дядя, очевидно, хотел позабавиться над затруднительною борьбою чувств бедного парня. Если же он не выстрелит в Сганареля или нарочно промахнётся, то ему, конечно, тяжело достанется, а Сганареля убьет вторым выстрелом Шлегонт, который никогда не даёт промаха.

Устин поклонился и ушёл передавать приказание, а мы, дети, сообразили, что мы наделали беды и что во всём этом есть что-то ужасно тяжёлое, так что Бог знает, как это и кончится. После этого нас не занимали по достоинству ни вкусный рождественский ужин, который справлялся "при звезде", за один раз с обедом, ни приехавшие на ночь гости, из коих с некоторыми были и дети.

Нам было жаль Сганареля, жаль и Ферапонта, и мы даже не могли себе решить, кого из них двух мы больше жалеем.

Оба мы, то есть я и мой ровесник – двоюродный брат, долго ворочались в своих кроватках. Оба мы заснули поздно, спали дурно и вскрикивали, потому что нам обоим представлялся медведь. А когда няня нас успокаивала, что медведя бояться уже нечего, потому что он теперь сидит в яме, а завтра его убьют, то мною овладевала еще большая тревога.

Я даже просил у няни взразумления: нельзя ли мне помолиться за Сганареля? Но такой вопрос был выше религиозных соображений старушки, и она, позёвывая и крестя рот рукою, отвечала, что наверно она об этом ничего не знает, так как ни разу о том у священника не спрашивала, но что, однако, медведь – тоже Божие создание, и он плавал с Ноем в ковчеге.

Мне показалось, что напоминание о плаванье в ковчеге вело как будто к тому, что беспредельное милосердие Божие может быть распространено не на одних людей, а также и на прочие Божьи создания, и я с детскою верою стал в моей кровати на колени и, припав лицом к подушке, просил величие Божие не оскорбиться моею жаркою просьбою и

пощадить Сганареля.

Глава девятая

Наступил день Рождества. Все мы были одеты в праздничном и вышли с гувернерами и боннами к чаю. В зале, кроме множества родных и гостей, стояло духовенство: священник, дьякон и два дьячка.

Когда вошел дядя, причт запел "Христос рождается". Потом был чай, потом вскоре же маленький завтрак и в два часа ранний праздничный обед. Тотчас же после обеда назначено было отправляться травить Сганареля. Медлить было нельзя, потому что в эту пору рано темнеет, а в темноте травля невозможна и медведь легко может скрыться из вида.

Исполнилось всё так, как было назначено. Нас прямо из-за стола повели одевать, чтобы везти на травлю Сганареля. Надели наши заячьи шубки и лохматые, с круглыми подошвами, сапоги, вязанные из козьей шерсти, и повели усаживать в сани. А у подъездов с той и с другой стороны дома уже стояло множество длинных больших троечных саней, покрытых узорчатыми коврами, и тут же два стременных держали под уздцы дядину верховую английскую рыжую лошадь, по имени Щеголиха.

Дядя вышел в лисьем архалуке** и в лисьей остроконечной шапке, и, как только он сел на седло, покрытое чёрною медвежьей шкурою с пахвами и паперсями, убранными бирюзой и "змеиными головками", весь наш огромный поезд тронулся, а через десять или пятнадцать минут мы уже приехали на место травли и выстроились полукругом. Все сани были расположены полуоборотом к обширному, ровному, покрытому снегом полю, которое было окружено цепью верховых охотников и вдали замыкалось лесом.

У самого леса были сделаны секреты или тайники за кустами, и там должны были находиться Флегонт и Храпошка.

Тайников этих не было видно, и некоторые указывали только на едва заметные "сошки", с которых один из стрелков должен был прицелиться и выстрелить в Сганареля.

Яма, где сидел медведь, тоже была незаметна, и мы поневоле рассматривали красивых вершников, у которых за плечом было разнообразное, но красивое вооружение: были шведские Штрабусы, немецкие Моргенраты, английские Мортимеры и варшавские Колеты.

Дядя стоял верхом впереди цепи. Ему подали в руки свору от двух сомкнутых злейших "пьявок", а перед ним положили у орчака на вальтрап белый платок.

Молодые собаки, для практики которых осужден был умереть провинившийся Сганарель, были в огромном числе и все вели себя крайне самонадеянно, обнаруживая пылкое нетерпение и недостаток выдержки. Они визжали, лаяли, прыгали и путались на сворах вокруг коней, на которых сидели одетые в форменное платье доезжачие, а те беспрестанно хлопали арапниками, чтобы привести молодых, не помнивших себя от нетерпения псов к повиновению. Все это кипело желанием броситься на зверя, близкое присутствие которого собаки, конечно, открыли своим острым природным чутьем.

Настало время вынуть Сганареля из ямы и пустить его на растерзание!

Дядя махнул положенным на его вальтрап белым платком и сказал: "Делай!"

Глава десятая

Из кучки охотников, составлявших главный штаб дяди, выделилось человек десять и пошли вперед через поле.

Отойдя шагов двести, они остановились и начали поднимать из снега длинное, не очень толстое бревно, которое до сей поры нам издалека нельзя было видеть.

Это происходило как раз у самой ямы, где сидел Сганарель, но она тоже с нашей далекой позиции была незаметна.

Дерево подняли и сейчас же спустили одним концом в яму. Оно было спущено с таким пологим уклоном, что зверь без затруднения мог выйти по нем, как по лестнице.

Другой конец бревна опирался на край ямы и торчал из нее на аршин. Все глаза были устремлены на эту предварительную операцию, которая приближала к самому любопытному моменту. Ожидали, что Сганарель сейчас же должен был показаться наружу; но он, очевидно, понимал в чем дело и ни за что не шёл.

Началось гонянье его в яме снежными комьями и шестами с острыми наконечниками, слышался рев, но зверь не шёл из ямы. Раздалось несколько холостых выстрелов, направленных прямо в яму, но Сганарель только сердитее зарычал, а всё-таки по-прежнему не показывался.

Тогда откуда-то из-за цепи вскачь подлетели запряжённые в одну лошадь простые навозные дровни, на которых лежала куча сухой ржаной соломы.

Лошадь была высокая, худая, из тех, которых употребляли на ворке для подвоза корма с гуменника, но, несмотря на свою старость и худобу, она летела, поднявши хвост и натопорщив гриву. Трудно, однако, было определить: была ли её теперешняя бодрость остатком прежней молодой удали, или это скорее было порождение страха и отчаяния, внушаемых старому коню близким присутствием медведя? По-видимому, последнее имело более вероятия, потому что лошадь была взнуздана, кроме железных удиц, еще острою бечевкою, которою и были уже в кровь истерзаны ее посеревшие губы. Она и неслась и металась в стороны так отчаянно, что управлявший ею конюх в одно и то же время драл ей кверху голову бечевой, а другою рукою немилосердно стегал её толстою нагайкою.

Но, как бы там ни было, солома была разделена на "три кучи, разом зажжена и разом же с трех сторон скинута, зажженная, в яму. Вне пламени остался только один тот край, к которому было приставлено бревно.

Раздался оглушительный, бешеный рёв, как бы смешанный вместе со стоном, но... медведь опять-таки не показывался.

До нашей цепи долетел слух, что Сганарель весь "опалился" и что он закрыл глаза лапами и лёг вплотную в угол к земле, так что "его не стронуть".

Ворковая лошадь с разрезанными губами понеслась опять вскачь назад...

Все думали, что это была посылка за новым привозом соломы. Между зрителями слышался укоризненный говор: зачем распорядители охоты не подумали ранее припасти

столько соломы, чтобы она была здесь с излишком. Дядя сердился и кричал что-то такое, чего я не мог разобрать за всюю поднявшеюся в это время у людей суетою и еще более усилившимся визгом собак и хлопаньем арапников.

Но во всем этом виднелось нестроение и был, однако, свой лад, и ворковая лошадь уже опять, метаясь и храпя, неслась назад к яме, где залег Сганарель, но не с соломою: на дровнях теперь сидел Ферапонт.

Гневное распоряжение дяди заключалось в том, чтобы Храпошку спустили в яму и чтобы он сам вывел оттуда своего друга на травлю...

Глава одиннадцатая

И вот Ферапонт был на месте. Он казался очень взволнованным, но действовал твердо и решительно, Нимало не сопротивляясь барскому приказу, он взял с дровней верёвку, которою была прихвачена привезенная минуто тому назад солома, и привязал эту веревку одним концом около зарубки верхней части бревна. Остальную веревку Ферапонт взял в руки и, держась за нее, стал спускаться по бревну, на ногах, в яму...

Страшный рёв Сганареля утих и заменился глухим ворчанием.

Зверь как бы жаловался своему другу на жестокое обхождение с ним со стороны людей; но вот и это ворчание сменилось совершенной тишиной.

– Обнимает и лижет Храпошку, – крикнул один из людей, стоявших над ямой.

Из публики, размещавшейся в санях, несколько человек вздохнули, другие поморщились.

Многим становилось жалко медведя, и травля его, очевидно, не обещала им большого удовольствия. Но описанные мимолётные впечатления внезапно были прерваны новым событием, которое было ещё неожиданнее и заключало в себе новую трогательность.

Из творила ямы, как бы из преисподней, показалась курчавая голова Храпошки в охотничьей круглой шапке. Он взбирался наверх опять тем же самым способом, как и спускался, то есть Ферапонт шел на ногах по бревну, притягивая себя кверху крепко завязанной концом снаружи веревки. Но Ферапонт выходил не один: рядом с ним, крепко с ним обнявшись и положив ему на плечо большую косматую лапу, выходил и Сганарель... Медведь был не в духе и не в аванжном виде. Пострадавший и изнуренный, по-видимому не столько от телесного страдания, сколько от тяжкого морального потрясения, он сильно напоминал короля Лира. Он сверкал исподлбья налитыми кровью и полными гнева и негодования глазами. Так же, как Лир, он был и взъерошен, и местами опален, а местами к нему пристали будылья соломы. Вдобавок же, как тот несчастный венценосец, Сганарель, по удивительному случаю, сберёг себе и нечто вроде венца. Может быть, любя Ферапонта, а может быть, случайно, он зажал у себя под мышкой шляпу, которою Храпошка его снабдил и с которою он же поневоле столкнул Сганареля в яму. Медведь сберёг этот дружеский дар, и... теперь, когда сердце его нашло мгновенное успокоение в объятиях друга, он, как только стал на землю, сейчас же вынул из-под мышки жестоко измятую шляпу и положил ее себе на макушку...

Эта выходка многих насмешила, а другим зато мучительно было её видеть. Иные даже поспешили отвернуться от зверя, которому сейчас же должна была последовать злая кончина.

Глава двенадцатая

Тем временем, как все это происходило, псы взвыли и взметались до потери всякого повиновения. Даже арапник не оказывал на них более своего внушающего действия. Щенки и старые пьявки, увидя Сганареля, поднялись на задние лапы и, сипло воя и храпя, задыхались в своих сыромятных ошейниках; а в это же самое время Храпошка уже опять мчался на ворковом одре к своему секрету под лесом. Сганарель опять остался один и нетерпеливо дергал лапу, за которую случайно захлестнулась брошенная Храпошкой веревка, прикрепленная к бревну. Зверь, очевидно, хотел скорее её распутать или оборвать и догнать своего друга, но у медведя, хотя и очень смышлёного, ловкость все-таки была медвежья, и Сганарель не распускал, а только сильнее затягивал петлю на лапе.

Видя, что дело не идет так, как ему хотелось, Сганарель дернул веревку, чтобы ее оборвать, но веревка была крепка и не оборвалась, а лишь бревно вспрыгнуло и стало стоймя в яме. Он на это оглянулся; а в то самое мгновение две пущенные из стаи со своры пьявки достигли его, и одна из них со всего налета впилась ему острыми зубами в загорбок.

Сганарель был так занят с веревкой, что не ожидал этого и в первое мгновение как будто не столько рассердился, сколько удивился такой наглости; но потом, через полсекунды, когда пьявка хотела перехватить зубами, чтобы впитаться еще глубже, он рванул её лапою и бросил от себя очень далеко и с разорванным брюхом. На окровавленный снег тут же выпали её внутренности, а другая собака была в то же мгновение раздавлена под его задней лапой... Но что было всего страшнее и всего неожиданнее, это то, что случилось с бревном. Когда Сганарель сделал усиленное движение лапою, чтобы отбросить от себя впившуюся в него пьявку, он тем же самым движением вырвал из ямы крепко привязанное к веревке бревно, и оно полетело пластом в воздухе. Натянув веревку, оно закружило вокруг Сганареля, как около своей оси, и, чертя одним концом по снегу, на первом же обороте размозжило и положило на месте не двух и не трёх, а целую стаю поспевавших собак. Одни из них взвизгнули и копошились из снега лапками, а другие, как кувырнулись, так и вытянулись.

Глава тринадцатая

Зверь или был слишком понятлив, чтобы не сообразить, какое хорошее оказалось в его обладании оружие, или веревка, охватившая его лапу, больно ее резала, но он только взревел и, сразу перехватив верёвку в самую лапу, еще так наподдал бревно, что оно поднялось и вытянулось в одну горизонтальную линию с направлением лапы, державшей веревку, и загудело, как мог гудеть сильно пущенный колоссальный волчок. Все, что могло попасть под него, непременно должно было сокрушиться вдребезги. Если же веревка где-нибудь, в каком-нибудь пункте своего протяжения оказалась бы недостаточно прочною и лопнула, то разлетевшееся в центробежном направлении бревно, оторвавшись, полетело

бы вдаль, Бог весть до каких далёких пределов, и на этом полёте непременно сокрушит всё живое, что оно может встретить.

Все мы, люди, все лошади и собаки, на всей линии и цепи, были в страшной опасности, и всякий, конечно, желал, чтобы для охранения его жизни веревка, на которой вертел свою колоссальную пращу Сганарель, была крепка. Но какой, однако, все это могло иметь конец? Этого, впрочем, не пожелал дожидаться никто, кроме нескольких охотников и двух стрелков, посаженных и секретных ямах у самого леса. Вся остальная публика, то есть все гости и семейные дяди, приехавшие на эту потеху в качестве фителей, не находили более в случившемся ни малейшей потехи. Все в перепуге велели кучерам как можно скорее скакать далее от опасного места и в страшном беспорядке, тесня и перегоняя друг друга, помчались к дому.

В спешном и беспорядочном бегстве по дороге было несколько столкновений, несколько падений, немного смеха и немало перепугов. Выпавшим из саней казалось, что бревно оторвалось от веревки и свистит, пролетая над их головами, а за ними гонится рассвирепевший зверь.

Но гости, достигши дома, могли прийти в покой и оправиться, а те немногие, которые остались на месте травли, видели нечто гораздо более страшное...

Глава четырнадцатая

Никаких собак нельзя было пускать на Сганареля. Ясно было, что при его страшном вооружении бревном он мог победить всё великое множество псов без малейшего для себя вреда. А медведь, вертя свое бревно и сам за ним поворачиваясь, прямо подавался к лесу, и смерть его ожидала только здесь, у секрета, в котором сидели Ферапонт и без промаха стрелявший Флегонт.

Меткая пуля всё могла кончить смело и верно.

Но рок удивительно покровительствовал Сганарелю и, раз вмешавшись в дело зверя, как будто хотел спасти его во что бы то ни стало.

В ту самую минуту, когда Сганарель сравнялся с привалами, из-за которых торчали на сошках наведённые на него дула кухенрейтеровских штуцеров Храпошки и Флегонта, верёвка, на которой летало бревно, неожиданно лопнула и... как пущенная из лука стрела, стрекнуло в одну сторону, а медведь, потеряв равновесие, упал и покатился кубарем в другую.

Перед оставшимися на поле вдруг сформировалась новая живая и страшная картина: бревно сшибло сошки и весь замет, за которым скрывался в секрете Флегонт, а потом, перескочив через него, оно ткнулось и закопалось другим концом в дальнем сугробе; Сганарель тоже не терял времени. Перекувырнувшись три или четыре раза, он прямо попал за снежный валик Храпошки...

Сганарель его моментально узнал,дохнул на него своей горячей пастью, хотел лизнуть языком, но вдруг с другой стороны, от Флегонта, крикнул выстрел, и... медведь убежал в лес, а Храпошка... упал без чувств.

Его подняли и осмотрели: он был ранен пулею в руку навывлет, но в ране его было

также несколько медвежьей шерсти.

Флегонт не потерял звания первого стрелка, но он стрелял впопыхах из тяжёлого штуцера и без сошек, с которых мог бы прицелиться. Притом же на дворе уже было серо, и медведь с Храпошкой были слишком тесно скручены...

При таких условиях и этот выстрел с промахом на одну линию должно было считать в своем роде замечательным.

Тем не менее – Сганарель ушёл. Погоня за ним по лесу в этот же самый вечер была невозможна; а до следующего утра в уме того, чья воля была здесь для всех законом, просияло совсем иное настроение.

Глава пятнадцатая

Дядя вернулся после окончания описанной неудачной охоты. Он был гневен и суров более, чем обыкновенно. Перед тем как сойти у крыльца с лошади, он отдал приказ завтра чем свет искать следов зверя и обложить его так, чтобы он не мог скрыться.

Правильно поведённая охота, конечно, должна была дать совсем другие результаты.

Затем ждали распоряжения о раненом Храпошке. По мнению всех, его должно было постигнуть нечто страшное. Он по меньшей мере был виноват в той оплошности, что не всадил охотничьего ножа в грудь Сганареля, когда тот очутился с ним вместе, и оставил его нимало не повреждённым в его объятиях.

Но, кроме того, были сильные и, кажется, вполне основательные подозрения, что Храпошка схитрил, что он в роковую минуту умышленно не хотел поднять своей руки на своего косматого друга и пустил его на волю.

Всем известная взаимная дружба Храпошки с Сганарелем давала этому предположению много вероятности.

Так думали не только все участвовавшие в охоте, но так же точно толковали теперь и все гости.

Прислушиваясь к разговорам взрослых, которые собрались к вечеру в большой зале, где в это время для нас зажигали богато убранную елку, мы разделяли и общие подозрения и общий страх пред тем, что может ждать Ферапонта.

На первый раз, однако, из передней, через которую дядя прошел с крыльца к себе "на половину", до залы достиг слух, что о Храпошке не было никакого приказания.

– К лучшему это, однако, или нет? – прошептал кто-то, и шепот этот среди общей тяжелой унылости толкнулся в каждое сердце.

Его услышал и отец Алексей, старый сельский священник с бронзовым крестом двенадцатого года. Старик тоже вздохнул и с таким же шепотом сказал:

– Молитесь рожденному Христу.

С этим он сам и все, сколько здесь было взрослых и детей, бар и холопей, все мы сразу перекрестились. И тому было время. Не успели мы опустить наши руки, как широко растворились двери и вошел, с палочкой в руке, дядя. Его сопровождали две его любимые борзые собаки и камердинер Жюстин. Последний нёс за ним на серебряной тарелке его белый фуляр и круглую табакерку с портретом Павла Первого.

Глава шестнадцатая

Вольтеровское кресло для дяди было поставлено на небольшом персидском ковре перед ёлкой, посреди комнаты. Он молча сел в это кресло и молча же взял у Жюстина свой фуляр и свою табакерку. У ног его тотчас легли и вытянули свои длинные морды обе собаки.

Дядя был в синем шёлковом архалуке с вышитыми гладью застёжками, богато украшенными белыми филограневыми пряжками с крупной бирюзой. В руках у него была его тонкая, но крепкая палка из натуральной кавказской черешни. Палочка теперь ему была очень нужна, потому что во время суматохи, происшедшей на садке, отменно выезженная Щеголиха тоже не сохранила бесстрашия – она метнулась в сторону и больно прижала к дереву ногу своего всадника. Дядя чувствовал сильную боль в этой ноге и даже немножко похрамывал.

Это новое обстоятельство, разумеется, тоже не могло прибавить ничего доброго в его раздражённое и гневливое сердце. Притом было дурно и то, что при появлении дяди мы все замолчали. Как большинство подозрительных людей, он терпеть не мог этого; и хорошо его знавший отец Алексей поторопился, как умел, поправить дело, чтобы только нарушить эту зловещую тишину.

Имея наш детский круг близ себя, священник задал нам вопрос: понимаем ли мы смысл песни "Христос рождается"? Оказалось, что не только мы, но и старшие плохо её разумели. Священник стал нам разъяснять слова: "славите", "рящите" и "возносите", и, дойдя до значения этого последнего слова, сам тихо "вознёсся" и умом и сердцем. Он заговорил о даре, который и нынче, как и "во время оно", всякий бедняк может поднести к яслям "рожденного Отроча", смелее и достойнее, чем поднесли золото, смирну и ливан волхвы древности. Дар наш – наше сердце, исправленное по Его учению. Старик говорил о любви, о прощенье, о долге каждого утешить друга и недруга "во имя Христово"... И думается мне, что слово его в тот час было убедительно... Все мы понимали, к чему оно клонит, все его слушали с особенным чувством, как бы моляся, чтобы это слово достигло до цели, и у многих из нас на ресницах дрожали хорошие слезы...

Вдруг что-то упало... Это была дядина палка... Её ему подали, но он до неё не коснулся: он сидел, склонясь набок, с опущенною с кресла рукою, в которой, как позабытая, лежала большая бирюза от застёжки... Но вот он уронил её, и... её никто не спешил поднимать.

Все глаза были устремлены на его лицо. Происходило удивительное: он плакал! Священник тихо раздвинул детей и, подойдя к дяде, молча благословил его рукою.

Тот поднял лицо, взял старика за руку и неожиданно поцеловал её перед всеми и тихо молвил:

– Спасибо.

В ту же минуту он взглянул на Жюстина и велел позвать сюда Ферапонта.

Тот предстал бледный, с подвязанной рукою.

– Стань здесь! – велел ему дядя и показал рукою на ковер. Храпошка подошел и

упал на колени.

– Встань... поднимись! – сказал дядя. – Я тебя прощаю. Храпошка опять бросился ему в ноги. Дядя заговорил нервным, взволнованным голосом:

– Ты любил зверя, как не всякий умеет любить человека. Ты меня этим тронул и превзошёл меня в великодушии. Объявляю тебе от меня милость: даю вольную и сто рублей на дорогу. Иди куда хочешь.

– Благодарю и никуда не пойду, – воскликнул Храпошка.

– Что?

– Никуда не пойду, – повторил Ферапонт.

– Чего же ты хочешь?

– За вашу милость я хочу вам вольной волей служить честней, чем за страх поневоле.

Дядя моргнул глазами, приложил к ним одною рукою свой белый фуляр, а другою, нагнувшись, обнял Ферапонта, и... все мы поняли, что нам надо встать с мест, и тоже закрыли глаза... Довольно было чувствовать, что здесь совершилась слава вышнему Богу и заблагоухал мир во имя Христово, на месте сурового страха.

Это отразилось и на деревне, куда были посланы котлы браги. Зажглись весёлые костры, и было веселье во всех, и шутя говорили друг другу:

– У нас ноне так случилось, что и зверь пошел во святой тишине Христа славить.

Сганареля не отыскивали. Ферапонт, как ему сказано было, сделался вольным, скоро заменил при дяде Жюстина и был не только верным его слугою, но и верным его другом до самой его смерти. Он закрыл своими руками глаза дяди, и он же схоронил его в Москве на Ваганьковском кладбище, где и по сию пору цел его памятник. Там же, в ногах у него, лежит и Ферапонт.

Цветов им теперь приносить уже некому, но в московских норах и трущобах есть люди, которые помнят белоголового длинного старика, который словно чудом умел узнавать, где есть истинное горе, и умел поспевать туда вовремя сам или посылал не с пустыми руками своего доброго пучеглазого слугу.

Эти два добряка, о которых много бы можно сказать, были – мой дядя и его Ферапонт, которого старик в шутку называл: "укротитель зверя".

1883

* Сганарель (фр. Sganarelle) — действующее лицо в амплуа простака целого ряда театральных пьес известного французского комедиографа Жана-Батиста Поклена (Мольера)

** Архалу́к (также аркалы́к, архалы́г (от тюрк. аркъалыкъ, азерб. ағһалық, груз. ახალუბი, арм. արխալուկ, перс. ارخالق). Кавказский плотно прилегающий к телу кафтан с высоким стоячим воротником.

Текст 2

Выполните целостный анализ стихотворения А.С. Хомякова «Звёзды». Обратите внимание на следующие особенности его содержания и формы (поэтики): тематический и образный строй

стихотворения (какие классические темы наследуются или переосмысляются А. Хомяковым? какие образы получают символическое значение?); функции интертекстуальных отсылок (мотивы каких и произведений вы увидели в стихотворении А. Хомякова?). Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Алексей Хомяков.

ЗВЁЗДЫ

В час полночный, близ потока
Ты взгляни на небеса:
Совершаются далёко
В горнем мире чудеса.

Ночи вечные лампы,
Невидимы в блеске дня,
Стройно ходят там громады
Негасимого огня.

Но впивайся в них очами —
И увидишь, что вдали,
За ближайшими звездами,
Тьмами звёзды в ночь ушли.

Вновь взглядишь — и тьмы за тьмами
Утомят твой робкий взгляд:
Всё звездами, всё огнями
Бездны синие горят.

В час полночного молчанья
Отогнав обманы снов,
Ты взглядишь душой в писанья
Галилейских рыбаков, —

И в объёме книги тесной
Развернётся пред тобой
Бесконечный свод небесный

С лучезарною красой.

Узришь — звёзды мыслей водят
Тайный хор свой вкруг земли;
Вновь взглядишь — другие всходят;
Вновь взглядишь, и там, вдали,

Звёзды мыслей, тьмы за тьмами,
Всходят, всходят без числа, -
И зажжётся их огнями
Сердца дремлющая мгла.
1856 г.

Количество баллов – 70

ТВОРЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ

Представьте, что Вам предстоит стать автором-составителем печатной хрестоматии (или интернет-издания) для школьников на тему «Весна в творчестве русских авторов».

Какие тексты (отрывки из каких текстов) Вы бы в неё включили? Какие комментарии и почему Вы бы сделали к произведениям, вошедшим в Вашу хрестоматию (помните, что можно не только комментировать непонятные слова и выражения, но и отмечать переключки с другими памятными вам текстами, сопоставление с которыми может помочь понять смысл произведения)?

Запишите авторов и названия текстов (всего **5-7** произведений). Выпишите и пронумеруйте слова, словосочетания, строки, которые будут прокомментированы.

Приведите примеры комментариев (не меньше **5**).

Напишите небольшую вступительную заметку «*От составителя*» к хрестоматии в целом, в которой объясните актуальность издания, обоснуйте выбор текстов и необходимость комментариев к ним.

Количество баллов – 30

**ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ ПО ЛИТЕРАТУРЕ
МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП**

2018-2019 уч. год

11 класс

Для участника олимпиады

Время выполнения работы – 5 часов (300 минут).

Работа включает в себя два задания: аналитическое и творческое.

Максимальное количество баллов – 100.

АНАЛИТИЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ

Выполните целостный анализ ОДНОГО из предложенных произведений (прозаического или стихотворного – на Ваш выбор).

Текст 1

Выполните целостный анализ рассказа В.В. Набокова «Рождество». Обратите внимание на следующие особенности его содержания и формы (поэтики): жанровые особенности сюжета (как формируется его событийный ряд? насколько важны в нем действия героев?), средства художественной выразительности и символы, используемые в тексте; раскройте символическое значение отрезка времени, когда происходят события рассказа, значимые смысловые оттенки заглавия, символическое значение фамилии главного героя. Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Владимир Набоков

РОЖДЕСТВО

I

Вернувшись по вечеряющим снегам из села в свою мызу, Слепцов сел в угол, на низкий плюшевый стул, на котором он не сиживал никогда. Так бывает после больших несчастий. Не брат родной, а случайный неприметный знакомый, с которым в обычное время ты и двух слов не скажешь, именно он толково, ласково поддерживает тебя, подаёт обронённую шляпу, – когда всё кончено, и ты, пошатываясь, стучишь зубами, ничего не видишь от слез. С мебелью – то же самое. Во всякой комнате, даже очень уютной и до смешного маленькой, есть нежилой угол. Именно в такой угол и сел Слепцов.

Флигель соединён был деревянной галереей – теперь загроможденной сугробом – с главным домом, где жили летом. Незачем было будить, согревать его, хозяин приехал из Петербурга всего на несколько дней и поселился в смежном флигеле, где белые изразцовые печки истопить – дело легкое.

В углу, на плюшевом стуле, хозяин сидел, словно в приемной у доктора. Комната плавала во тьме, в окно, сквозь стеклянные перья мороза, густо синел ранний вечер. Иван, тихий, тучный слуга, недавно сбивший себе усы, внёс заправленную, керосиновым огнем

налитую, лампу, поставил на стол и беззвучно опустил на неё шелковую клетку: розовый абажур. На мгновение в наклоненном зеркале отразилось его освещённое ухо и седой ёж. Потом он вышел, мягко скрипнув дверью.

Тогда Слепцов поднял руку с колена, медленно на неё посмотрел. Между пальцев к тонкой складке кожи прилипла застывшая капля воска. Он растопырил пальцы, белая чешуйка треснула.

II

Когда на следующее утро, после ночи, прошедшей в мелких нелепых снах, вовсе не относившихся к его горю, Слепцов вышел на холодную веранду, так весело выстрелила под ногой половица, и на белёную лавку легли райскими ромбами отраженья цветных стекол. Дверь поддалась не сразу, затем сладко хрюснула, и в лицо ударил блистательный мороз. Песком, будто рыжей корицей, усыпан был ледок, облепивший ступени крыльца, а с выступа крыши, остриями вниз, свисали толстые сосули, сквозящие зеленоватой синевой. Сугробы подступали к самым окнам флигеля, плотно держали в морозных тисках оглушённое деревянное строенье. Перед крыльцом чуть вздувались над гладким снегом белые купола клумб, а дальше сиял высокий парк, где каждый чёрный сучок окаймлён был серебром, и елки поджимали зелёные лапы под пухлым и сверкающим грузом.

Слепцов, в высоких валенках, в полушубке с каракулевым воротником, тихо зашагал по прямой, единственной расчищенной тропе в эту слепительную глубину. Он удивлялся, что ещё жив, что может чувствовать, как блестит снег, как ноют от мороза передние зубы. Он заметил даже, что оснеженный куст похож на застывший фонтан, и что на склоне сугроба – песьи следы, шафранные пятна, прожегшие наст. Немного дальше торчали столбы мостика, и тут Слепцов остановился. Горько, гневно столкнулся с перил толстый пушистый слой. Он сразу вспомнил, каким был этот мост летом. По склизким доскам, усеянным серёжками, проходил его сын, ловким взмахом сачка срывал бабочку, севшую на перила. Вот он увидел отца. Неповторимым смехом играет лицо под загнутым краем потемневшей от солнца соломенной шляпы, рука теребит цепочку и кожаный кошелек на широком поясе, весело расставлены милые, гладкие, коричневые ноги в коротких саржевых штанах, в промокших сандалиях. Совсем недавно, в Петербурге, – радостно, жадно поговорив в бреду о школе, о велосипеде, о какой-то индийской бабочке, – он умер, и вчера Слепцов перевёз тяжелый, словно всю жизнь наполненный гроб, в деревню, в маленький белокаменный склеп близ сельской церкви.

Было тихо, как бывает тихо только в погожий, морозный день. Слепцов, высоко подняв ногу, свернул с тропы и, оставляя за собой в снегу синие ямы, пробрался между стволов удивительно светлых деревьев к тому месту, где парк обрывался к реке. Далеко внизу, на белой глади, у проруби, горели вырезанные льды, а на том берегу, над снежными крышами изб, поднимались тихо и прямо розоватые струи дыма. Слепцов снял каракулевый колпак, прислонился к стволу. Где-то очень далеко кололи дрова, – каждый удар звонко отпрыгивал в небо, – а над белыми крышами придавленных изб, за лёгким серебряным туманом деревьев, слепо сиял церковный крест.

III

После обеда он поехал туда, – в старых санях с высокой прямой спинкой. На морозе туго хлопала селезёнка вороного мерина, белые веера проплывали над самой шапкой, и спереди серебряной голубизной лоснились колеи. Приехав, он просидел около часу у могильной ограды, положив тяжелую руку в шерстяной перчатке на обжигающий сквозь шерсть чугун, и вернулся домой с чувством легкого разочарования, словно там, на погосте, он был ещё дальше от сына, чем здесь, где под снегом хранились летние неисчислимые следы его быстрых сандалий.

Вечером, сурово затосковав, он велел отпереть большой дом. Когда дверь с тяжёлым рыданием раскрылась и пахнуло каким-то особенным, незимним холодком из гулких железных сеней, Слепцов взял из рук сторожа лампу с жестяным рефлектором и вошёл в дом один. Паркетные, полы тревожно затрещали под его шагами. Комната за комнатой заполнялись жёлтым светом; мебель в саванах казалась незнакомой; вместо люстры висел с потолка незвонящий мешок, – и громадная тень Слепцова, медленно вытягивая руку, проплывала по стене, по серым квадратам занавешенных картин.

Войдя в комнату, где летом жил его сын, он поставил лампу на подоконник и наполовину отвернул, ломая себе ногти, белые створчатые ставни, хотя всё равно за окном была уже ночь. В темно-синем стекле загорелось жёлтое пламя – чуть коптящая лампа, – и скользнуло его большое бородатое лицо.

Он сел у голого письменного стола, строго, исподлобья, оглядел бледные в синеватых розах стены, узкий шкаф вроде конторского, с выдвигаемыми ящиками снизу доверху, диван и кресла в чехлах, – и вдруг, уронив голову на стол, страстно и шумно затрясся, прижимая то губы, то мокрую щеку к холодному пыльному дереву и цепляясь руками за крайние углы.

В столе он нашёл тетради, расправилки, коробку из-под английских бисквитов с крупным индийским коконом, стоившим три рубля. О нём сын вспоминал, когда болел, жалел, что оставил, но утешал себя тем, что куколка в нём, вероятно, мёртвая. Нашел он и порванный сачок – кисейный мешок на складном обруче, и от кисеи ещё пахло летом, травяным зноем.

Потом, горбясь, всхлипывая всем корпусом, он принялся выдвигать один за другим стеклянные ящики шкафа. При тусклом свете лампы шёлком отливали под стеклом ровные ряды бабочек. Тут, в этой комнате, вон на этом столе, сын расправлял свою поимку, пробивал мохнатую спинку чёрной булавкой, втыкал бабочку в пробковую щель меж раздвижных дощечек, распластывал, закреплял полосами бумаги еще свежие, мягкие крылья. Теперь они давно высохли – нежно поблескивают под стеклом хвостатые махаоны, небесно-лазурные мотыльки, рыжие крупные бабочки в чёрных крапинках, с перламутровым исподом, и сын произносил латынь их названий слегка картаво, с торжеством или пренебрежением.

IV

Ночь была сизая, лунная; тонкие тучи, как совиные перья, рассыпались по небу, но

не касались легкой ледяной луны. Деревья – груды серого инея – отбрасывали чёрную тень на сугробы, загоравшиеся там и сям металлической искрой. Во флигеле, в жарко натопленной плюшевой гостиной, Иван поставил на стол аршинную елку в глиняном горшке и как раз подвязывал к её крестообразной макушке свечу, – когда Слепцов, озябший, заплаканный, с пятнами темной пыли, приставшей к щеке, пришёл из большого дома, неся деревянный ящик под мышкой. Увидя на столе ёлку, он спросил рассеянно, думая о своем: – Зачем это?

Иван, освобождая его от ящика, низким круглым голосом ответил: – Праздничек завтра.

– Не надо, убери... – поморщился Слепцов, и сам подумал: "Неужто сегодня Сочельник? Как это я забыл?" Иван мягко настаивал: – Зелёная. Пускай постоит...

– Пожалуйста, убери, – повторил Слепцов и нагнулся над принесённым ящиком. В нём он собрал вещи сына – сачок, бисквитную коробку с каменным коконом, расправилки, булавки в лаковой шкатулке, синюю тетрадь. Первый лист тетради был наполовину вырван, на торчавшем клочке осталась часть французской диктовки. Дальше шла запись по дням, названия пойманных бабочек и Другие заметы: "Ходил по болоту до Боровичей...", "Сегодня идёт дождь, играл в шашки с папой, потом читал скучнейшую "Фрегат Палладу", "Чудный жаркий день. Вечером ездил на велосипеде. В глаз попала мошка. Проезжал, нарочно два раза, мимо её дачи, но её не видел..."

Слепцов поднял голову, проглотил что-то – горячее, огромное. О ком это сын пишет?

"Ездил, как всегда, на велосипеде", стояло дальше. "Мы почти переглянулись. Моя прелесть, моя радость..."

– Это немыслимо, – прошептал Слепцов, – я ведь никогда не узнаю...

Он опять наклонился, жадно разбирая детский почерк, поднимающийся, заворачивающий на полях.

"Сегодня – первый экземпляр траурницы. Это значит – осень. Вечером шёл дождь. Она, вероятно, уехала, а я с нею так и не познакомился. Прощай, моя радость. Я ужасно тоскую..."

"Он ничего не говорил мне..." – вспоминал Слепцов, потирая ладонью лоб.

А на последней странице был рисунок пером: слон – как видишь его сзади, – две толстые тумбы, углы ушей и хвостик,

Слепцов встал. Затряс головой, удерживая приступ страшных сухих рыданий.

– Я больше не могу... – простонал он, растягивая слова, и повторил ещё протяжнее: – не – могу – больше...

"Завтра Рождество, – скороговоркой пронеслось у него в голове. – А я умру. Конечно. Это так просто. Сегодня же..."

Он вытащил платок, вытер глаза, бороду, щёки. На платке остались темные полосы.

– ...Смерть, – тихо сказал Слепцов, как бы кончая длинное предложение.

Тикали часы. На синем стекле окна теснились узоры мороза. Открытая тетрадь

сияла на столе, рядом сквозила светом кисея сачка, блестел жестяной угол коробки. Слепцов зажмурился, и на мгновение ему показалось, что до конца понятна, до конца обнажена земная жизнь – горестная до ужаса, унижительно бесцельная, бесплодная, лишённая чудес...

И в то же мгновение щёлкнуло что-то – тонкий звук – как будто лопнула натянутая резина. Слепцов открыл глаза и увидел: в бисквитной коробке торчит прорванный кокон, а по стене, над столом, быстро ползет вверх чёрное сморщенное существо величиной с мышь. Оно остановилось, вцепившись шестью чёрными мохнатыми лапками в стену, и стало странно трепетать. Оно вылупилось оттого, что изнемогающий от горя человек перенёс жестяную коробку к себе, в теплую комнату, оно вырвалось оттого, что сквозь тугой шёлк кокона проникло тепло, оно так долго ожидало этого, так напряжённо набиралось сил и вот теперь, вырвавшись, медленно и чудесно росло. Медленно разворачивались смятые лоскутки, бархатные бахромки, крепи, наливаясь воздухом, веерные жилы. Оно стало крылатым незаметно, как незаметно становится прекрасным мужающее лицо. И крылья – ещё слабые, ещё влажные – всё продолжали расти, расправляться, вот развернулись до предела, положенного им Богом, – и на стене уже была – вместо комочка, вместо чёрной мыши, – громадная ночная бабочка, индийский шелкопряд, что летает, как птица, в сумраке, вокруг фонарей Бомбея.

И тогда простёртые крылья, загнутые на концах, тёмно-бархатные, с четырьмя слюдяными оконцами, вздохнули в порыве нежного, восхитительного, почти человеческого счастья.

Текст 2

Выполните целостный анализ стихотворения Т. Синицына. Обратите внимание на следующие особенности его содержания и формы (поэтики): тематический и образный строй стихотворения (какие классические сюжеты и образы переосмысливаются Т. Синицыным? какие образы получают символическое значение?); раскройте роль приёма антитезы в стихотворении. Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Тихон Синицын

Мозаики подземной Византии

Под куполом Московского метро.

Гигантские советские святые

Рассеивают медь и серебро.

В подземном небе метрополитена

Суровые имперские гербы

Вмонтированы в мраморные стены.

В текстурах камня — линии судьбы.

В прохладных криптах Нового Царьграда
Стремительно мелькают поезда.
Сбегают в подземелье колоннады.
Мерцает смальта. Светится слюда.
С айфоном замирает Эвридика.
Орфей грустит с гитарой вдалеке.
И торопливо дворники-таджики
Воркуют на персидском языке.

Количество баллов – 70

ТВОРЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ

Представьте, что Вам предстоит стать автором-составителем печатной хрестоматии (или интернет-издания) поэтов Серебряного века для школьников.

Какие тексты Вы бы в неё включили? Какие комментарии и почему Вы бы сделали к текстам, вошедшим в Вашу хрестоматию (помните, что можно не только комментировать непонятные слова и выражения, но и отмечать переключки с другими памятными Вам текстами, сопоставление с которыми может помочь понять смысл стихотворения)?

Запишите авторов и названия стихотворений (всего **5-7** произведений). Выпишите и пронумеруйте слова, словосочетания, строки, которые будут прокомментированы.

Приведите примеры комментариев (не меньше **5**).

Напишите небольшую вступительную заметку «*От составителя*» к хрестоматии в целом, в которой объясните актуальность издания, обоснуйте выбор текстов и необходимость комментариев к ним.

Количество баллов – 30